

На самом деле Жуань Му хотел сказать, что в этом городе он был для Чжу Цинхэ защитником, и неважно, что произойдёт, ему не о чем беспокоиться. Даже если он не сможет лично вмешаться, его двоюродный брат, который извлёк из этого немало выгоды, был известным хулиганом. В рамках морали и закона он мог довести человека до белого каления, но ничего нельзя было поделать, так как он всегда оставался на стороне правды. Он не позволил бы Чжу Цинхэ пострадать на улице, а уж дома тем более.

Чжу Цинхэ, почувствовав такое нахальное поведение Жуань Му, слегка замер, а затем не знал, смеяться ему или плакать. Жуань Му совсем не походил на десятилетнего ребёнка, он был гораздо более зрелым, чем его сверстники. Однако нельзя было исключать, что он просто играл, ведь такие отношения в нынешних условиях были табу, и даже спустя много лет большинство людей не смогло бы принять подобные чувства.

Чжу Цинхэ оттолкнул руку Жуань Му, приложив немало сил, но тот, проявив упрямство, снова схватил его руку, покрытую мозолями, и держал её, пока они не вышли к людям, где наконец отпустил. В его возрасте он мог позволить себе быть наглым, но это легко воспринималось как каприз. Лучшим способом было продолжать настойчиво преследовать Чжу Цинхэ, чтобы тот понял, что его чувства искренни, и он не отступит.

Они вышли из дома только после обеда. Небо было ясным, солнце сияло ярко, но холодный ветер уносил слабое тепло, заставляя людей кутаться и спешить. Когда они подошли к большому двору, у ворот стоял прямой, как струна, охранник, и, ещё не войдя, они почувствовали на себе давление.

Ван Юнмэй обернулась и с улыбкой посмотрела на Чжу Цинхэ:

— Не бойся, это только выглядит устрашающе. На самом деле здесь живут очень добрые старики. Ты всегда был воспитанным, они тебе понравятся.

Жуань Му улыбнулся, и это чувство было похоже на то, как двое, решивших провести вместе жизнь, представляются родителям. Его рука сжималась и разжималась, и, видя, как Чжу Цинхэ держит дистанцию, он не мог сдержать вздоха. Он больше всего не хотел пугать Чжу Цинхэ, но знал, что, если не будет настаивать, тот никогда не обратит на него внимания. Ему хотелось рассказать Чжу Цинхэ о своей прошлой жизни, но он понимал, что даже он сам, услышав такое, был бы поражён, что уж говорить о Чжу Цинхэ, который уже был почти взрослым?

Ван Юнмэй не знала о тайных действиях детей. Неподалёку был дом семьи Жуань, и она сказала Жуань Му:

— Сначала зайди и предупреди бабушку, чтобы она не волновалась.

Жуань Му взглянул на Чжу Цинхэ и ушёл. Несмотря на свой небольшой рост, он шёл уверенно и быстро.

Чжу Цинхэ смотрел на спину Жуань Му и думал, что тот очень похож на дядю Жуань: такой же настойчивый, не оставляющий пути к отступлению, но умеющий вовремя объяснить свои действия, чтобы смягчить гнев. Если бы дядя Жуань мог так же, как Жуань Му, говорить больше, возможно, всё сложилось бы иначе.

— Учитель Ван, я хочу вернуться в деревню Чжуцзя перед Новым годом. Это большой праздник, и лучше всего провести его дома. Я недавно переехал в старую пещеру, и сейчас нужно добавить туда жизни. В деревне есть свои обычаи, и я, как житель Чжуцзя, должен их

соблюдать, чтобы чувствовать себя спокойно.

Ван Юнмэй не ожидала, что он заговорит о возвращении так скоро. Кто же не возвращается домой на Новый год? Но... она заколебалась и попыталась уговорить:

— Тебе будет одиноко дома, оставайся здесь. На Новый год я отведу тебя и Сяому посмотреть фонари и поесть вкусного. Раз уж ты приехал, насладись временем здесь, а потом возвращайся.

Чжу Цинхэ был благодарен учителю Ван за доброту, но его решение было твёрдым. Он опустил глаза и с улыбкой покачал головой:

— Учитель Ван, спасибо, но я всё же хочу вернуться, не могу оставить это.

В прошлой жизни он покинул дом в четырнадцать лет и погиб на чужбине, и даже его душа не смогла вернуться на родину. Как бы тяжело ни было в деревне Чжуцзя, это место, где он родился и вырос.

Он не был привязан к яркому миру за пределами деревни, и невозможность вернуться домой стала его навязчивой идеей. Кроме того, разве не интереснее видеть, как бывшие «родственники» унижаются перед ним? Что касается Жуань Му... в этой жизни он не хотел искать спутника. Одиночество было страшным, но сблизиться с незнакомцем и со временем влюбиться было слишком непредсказуемо. Он не хотел снова пережить боль расставания. К тому же Жуань Му был сыном учителя Ван, и она возлагала на него большие надежды. Он не мог быть так жесток к своей наставнице, чтобы мать увидела, как её гордость становится чем-то странным. Кто бы мог с этим смириться?

Ван Юнмэй больше не стала уговаривать и вздохнула:

— Ты уже взрослый, решай сам. Когда ты планируешь вернуться? Я спрошу, есть ли кто-то, кто едет туда, чтобы тебе было спокойнее в пути.

Но едва она закончила говорить, Чжу Цинхэ увидел, что Жуань Му выходит, и быстро сказал:

— Учитель Ван, пока не говорите Сяому об этом, я не хочу его расстраивать.

Близость Жуань Му не казалась ему назойливой, возможно, потому что он изначально не питал надежд, поэтому относился к этому спокойно. Когда Жуань Му подошёл, они оба замолчали.

— Вы только что так оживлённо разговаривали, а как я подошёл, замолчали? Неужели есть что-то, чего мне нельзя знать? Кстати, мама, после ужина я хочу с Цинхэ сходить к Жуань Линю. Он купил виллу, я недавно видел, она очень красивая и интересная.

Ван Юнмэй нахмурилась. Хотя Жуань Линь был бунтарём, она не могла недооценивать этого бывшего племянника. Просто она не хотела, чтобы Жуань Му с ранних лет погружался в мир денег и выгоды. Её бывший свекор говорил, что Жуань Му больше всего похож на их предков, обладая острым чутьём в бизнесе. Даже если он не пойдёт по этому пути, он может стать выдающимся предпринимателем. Она тогда лишь улыбнулась, но в душе надеялась, что судьба сына не будет predetermined. Она хотела, чтобы он стал успешным, но ещё больше — чтобы он занимался тем, что любит, без чужого вмешательства. Хотя она понимала, что её упрямый свекор никогда не согласится с этим, и ради будущего сына ей придётся вернуться.

— Сяому, ты ещё маленький, сейчас самое важное — хорошо учиться. Увлечение деньгами в

твоём возрасте ни к чему хорошему не приведёт. Я хочу, чтобы ты занимался тем, что тебе нравится, а не просто слепо следовал чужой воле. Ты понимаешь?

Жуань Му с ранних лет знал, что дед рано или поздно отправит его в самое суровое место, чтобы снять с него верхний слой кожи. В прошлой жизни он не подчинился, а в этой — тем более. Что касается того, что мама называла «любимым делом», это было слишком расплывчато. Лучше сосредоточиться на чём-то практичном. Если у человека нет власти, то нужно стать богатым, чтобы жить полноценно в этом всё более суетливом мире.

Ведь в ближайшие десятилетия мир изменится, а он уже видел это.

Жуань Му потер нос и с улыбкой сказал:

— Мама, папа дома, он сказал, что понял свои ошибки. Не держите на него зла, он просто глуп и вспыльчив, стоит кому-то подстрекнуть, и он сразу загорается.

Его детский голос звучал с лёгкой ноткой неуверенности, но Ван Юнмэй лишь улыбнулась:

— Он послал тебя, ребёнка, который даже не понимает, что такое любовь, в качестве посредника? Скажи ему, чтобы он оставил свои нереальные мечты. Если он не слушал меня раньше, то теперь пусть даже не пытается.

Жуань Му знал, что так и будет, поэтому считал, что лучше пока не поднимать эту тему. Но отец торопил его, словно он был последней надеждой. Один неверный шаг вёл к другому, и он чувствовал напряжение. Мама, похоже, окончательно решила оставить прошлое позади, и её голос звучал так спокойно, словно говорила о чём-то совершенно постороннем.

<http://bllate.org/book/16370/1481078>